DK561
.P52
1903

DK561
.P52
1903

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

DK561
.P52
1903

00005141385

This book is due at the WALTER R. DAVIS LIBRARY on the last date stamped under "Date Due." If not on hold it may be renewed by bringing it to the library.

DATE DUE	RET.	DATE DUE	RET.
CARREL CHARGE			
	MAY 29 '97		

Form No. 513,
Rev. 1/84

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/k200lietiuspeter00plat

КЪ 200-ЛѢТІЮ

С.-ПЕТЕРБУРГА.

1703—1903.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. В. Мартынова. Торговая, 17.
1903.

K 200-LIETIU S.-PETERBURGA,
1703-1903
DK561
.P52
1903
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
PROPERTY OF
AT CHAPEL HILL

КЪ ДВУХСОТЛѢТІЮ ПЕТЕРБУРГА.

Осенью 1702 года русскіе войска отняли у шведовъ ихъ крѣпость Нотебургъ, стоявшую на истокѣ Невы, на мѣстѣ стараго Новгородскаго Орѣшка. Петръ Великій назвалъ эту крѣпость Шлиссельбургомъ. Весною 1703 года русскіе пошли вдоль Невы къ морю и 1-го мая взяли стоявшее недалеко отъ моря, при впаденіи р. Охты въ Неву, шведское укрѣпленіе Ніеншанцъ или «Канцы», какъ его назвали русскіе люди. Переименовавъ Канцы въ Шлотбургъ, Петръ Великій временно устроилъ въ немъ свой «главный станъ». Въ «Журналѣ или поденной запискѣ» Петра Великаго говорится: «По взятіи Канецъ отправленъ воинскій совѣтъ, тотъ ли шанецъ крѣпить, или иное мѣсто удобнѣе искать (понеже оный малъ, далеко отъ моря и мѣсто не гораздо крѣпко отъ натуры), въ которомъ (совѣтѣ) положено искать новаго мѣста. И по нѣсколькихъ дняхъ найдено къ тому удобное мѣсто островъ, который назывался Люстъ-Еландъ (то есть веселый островъ), гдѣ въ 16 день маія (въ недѣлю Пятидесятницы) крѣпость заложена и именована «Санктпитербурхъ». Существуетъ догадка, что наименованіе «новозастроенной» крѣпости «Петербургъ» было торжественно дано ей въ Петровъ день, 29 іюня 1703, года въ именины царя Петра.

На основаніи этихъ извѣстій въ маѣ 1903 года празднуется двухсотлѣтній юбилей существованія Петербурга.

Юбилейное торжество будетъ имѣть для насъ дѣйствительный, живой смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ понимать историческое значеніе событія, давшаго поводъ къ торжеству. «Иначе праздникъ будетъ празднымъ», какъ выразился нашъ извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ въ своихъ «Публичныхъ чтеніяхъ о Петрѣ Великомъ». Для того же, чтобы понять историческое значеніе событія, намъ надобно выяснить себѣ самимъ, какой смыслъ имѣло событіе для его современниковъ и для той дѣйствительности, въ которой оно совершилось. Тогда намъ станетъ ясно и значеніе даннаго событія во всемъ ходѣ исторической жизни народа; иначе говоря, мы поймемъ, что именно мы собрались праздновать.

Нѣтъ большой трудности отвѣтить на вопросъ о томъ, какой смыслъ имѣло основаніе Петербурга для Петра Великаго и для Русскаго государства начала XVIII вѣка. Наша историческая наука даетъ для этого достаточно матеріала, и автору настоящей замѣтки предстоитъ лишь трудъ свести въ одинъ краткій очеркъ итоги различныхъ историческихъ и историко-географическихъ наблюденій, сдѣланныхъ въ послѣднія десятилѣтія или, точнѣе, во вторую половину XIX вѣка, нашими историками.

Для современниковъ основаніе Петербурга имѣло значеніе спеціальное, военное, и общее, государственное.

Въ военномъ отношеніи построеніемъ Петербурга завершалась важная операція—выходъ къ морю. Въ борьбѣ со шведами за Балтійскій берегъ еще Иванъ Грозный пытался дѣйствовать

на морѣ и заводилъ въ Балтійскихъ водахъ наемныя каперскія суда. Въ свою очередь шведы стремились совсѣмъ отрѣзать Москву отъ морскаго берега, что имъ и удалось въ началѣ XVII столѣтія. Море, создавая возможность свободнаго и легкаго общенія съ государствами средней Европы, давало бы Москвѣ союзниковъ и лишнія средства въ борьбѣ: обѣ стороны—и шведы, и русскіе — хорошо понимали это обстоятельство. Съ самаго начала шведской войны Петръ Великій направляетъ свои силы на пріобрѣтеніе гавани. Испытавъ неудачу подъ Нарвою, которая была одною изъ самыхъ значительныхъ гаваней Балтики, Петръ ищетъ выхода къ морю черезъ Неву. Въ 1701 году начинаетъ онъ развѣдки о Невскомъ пути къ морю «отъ Волховскаго устья» до «Невскаго устья»; собираются свѣдѣнія о шведскихъ крѣпостяхъ, загораждающихъ этотъ путь, и о фарватерѣ въ Ладожскомъ озерѣ и Невѣ. Въ 1702 году уже приказано приступить къ постройкѣ 6 военныхъ 18-пушечныхъ кораблей «на Ладожское озеро». Но дѣло не спорилось до слѣдующаго года, когда, наконецъ, на р. Свири въ Лодейномъ полѣ устроили «верфъ» и съ августа 1703 года начали спускать на воду уже построенныя суда. Не ожидая своей флотиліи, Петръ въ 1702 году начинаетъ дѣйствія противъ шведскихъ крѣпостей на Невѣ и, взявъ Нотебургъ, овладѣваетъ входомъ въ Неву изъ Ладожскаго озера. На слѣдующую весну 1703 года онъ захватываетъ и все теченіе Невы и выходитъ къ морю. Но этого было мало: надобно было укрѣпиться на Невскомъ устьѣ, чтобы непріятельскій флотъ съ моря, а сухопутное войско шведовъ изъ Финляндіи не могли сбить русскихъ съ только что пріобрѣтенныхъ позицій. Для этой цѣли и была заложена

въ устьяхъ Невы новая крѣпость, названная Петербургомъ. Подъ ея стѣнами находилъ безопасность и новый флотъ, строенный на Свири; а затѣмъ подъ ея стѣнами выросла и новая верфь («адмиралтейство»). Создалась такимъ образомъ боевая сила, оборонявшая вновь занятый край и послужившая затѣмъ опорою для дальнѣйшаго наступленія, главнымъ образомъ на Финляндію. Русскій флотъ, вышедшій изъ Невы въ Финскій заливъ, игралъ не малую роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ войны. Опираясь на Петербургскія твердыни, онъ легко получалъ по Невскому водному пути все, что ему было, необходимо, изъ внутреннихъ областей государства.

Таково было военное значеніе «новозастроенной» крѣпости «Питербурха».

Основаніе города въ устьяхъ Невы имѣло существенную важность и помимо стратегическихъ цѣлей Петра. Выходъ въ море надобенъ былъ не только для войска, но и для всего русскаго общества. Въ глубокой древности, когда на русскомъ западѣ цвѣла жизнь «господина Великаго Новагорода», богатѣвшаго отъ торга съ Балтійскимъ поморьемъ, путь отъ Новгорода по Волхову, Ладожскому озеру и Невѣ въ море былъ однимъ изъ главнѣйшихъ путей русской торговли. Получая русскіе товары съ востока и сѣвера, Новгородъ передавалъ ихъ въ гавани Рижскаго и Финскаго заливовъ. И всѣ эти гавани: Рига, Перновъ, Ревель, Нарва—находились въ чуждыхъ рукахъ; одно Невское устье было Новгородскимъ. Въ устьѣ Невы и у о, Котлина встрѣчали нѣмцевъ русскіе лоцмана и вели ихъ суда чрезъ Невскіе и Волховскіе пороги, перегружая товаръ на мелкія ладьи, гдѣ это было нужно. Новгородскіе пригороды Ладога и Орѣшекъ стояли на этомъ пути, какъ

пристани и крѣпости, для пріюта и обороны. Русская стража берегла Невское устье отъ вражескаго поиска съ моря. Словомъ Невскій путь пользовался нѣкоторымъ благоустройствомъ, какъ одинъ изъ путей внѣшней торговли Великаго Новгорода. Но не одинъ Новгородъ имъ пользовался. Если вглядѣться въ карту Приладожья и въ сѣть тѣхъ рѣкъ, которыя несутъ свои воды въ Ладожское озеро, то нетрудно понять, что изъ Невы съ моря по этимъ рѣкамъ можно идти въ разные углы Руси, и, наоборотъ, со всѣхъ этихъ рѣкъ можно попасть къ морю только по Невѣ. Изъ Невы Ладожскимъ озеромъ и Свирью приходили въ Онежское озеро, а тамъ былъ «судовой ходъ Онегомъ-озеромъ на обѣ стороны по погостомъ»— и велъ тотъ ходъ на сѣверъ къ Бѣлому морю, и на сѣверо-востокъ къ низовьямъ р. Онеги и р. Сѣверной Двины, и на юго-востокъ къ Каргопольскимъ и Бѣлозерскимъ мѣстамъ. Не дойдя до Свири, можно было свернуть въ р. Сясь: «отъ Орѣшка Ладожскимъ озеромъ на Сяськое устье; и Сясью и Тихвиною рѣками пріѣзжаютъ на Тихвину (монастырь), а съ Тихвины ѣздятъ къ Москвѣ и по городомъ: на Устюжну, въ Кашинъ, въ Дмитровъ». Такъ описывали эту дорогу московскіе люди и прибавляли, что то «дорога изъза рубежа къ Москвѣ старинная, прямая». Такимъ образомъ Нева искони соединяла съ Балтійскимъ моремъ «прямою» дорогою и Новгородъ, и Москву, и весь сѣверъ. Этимъ опредѣлялось громадное значеніе этой рѣки для страны, не имѣвшей тогда въ своемъ распоряженіи иного выхода въ то самое западное море, съ которымъ она всегда торговала, на которое посылала свое сырье.

До XVI вѣка, пока русская торговля съ удобствомъ пользовалась нѣмецкимъ посредствомъ для

сношеній со всѣми гаванями отъ Риги до Нарвы, значеніе Невы не сказывалось сильно, и русскій отпускъ свободно шелъ къ морю и Невою, и «горними путями» (то есть, сухопутьемъ). Но въ XVI вѣкѣ, съ усиленіемъ на восточномъ побережьѣ Балтійскаго моря Литвы и Швеціи, враждебныхъ Москвѣ, русская торговля стала терпѣть «тѣсноту». Для сношеній Руси съ нейтральными нѣмецкими рынками. Литва и Швеція стали создавать препятствія, затворяя гавани и затрудняя торговое движеніе. Русь продолжала стремиться къ морю, и борьба съ противодѣйствіемъ привела Грознаго къ знаменитой Ливонской войнѣ за морской берегъ. Война тогда окончилась пораженіемъ, и Русь потеряла даже послѣднюю полосу Балтійскаго берега, какую имѣла (отъ Наровы до Невы). Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, въ эпоху смуты, эта полоса рѣшительно перешла во владѣніе шведовъ (въ 1617 году), и шведскій король Густавъ-Адольфъ съ торжествомъ объявлялъ подданнымъ, что Москва далеко отброшена отъ моря. Въ эту пору, зная, что всѣ гавани на восточномъ Балтійскомъ побережьѣ завоеваны шведами и потому не могутъ служить на пользу Руси, московскіе люди должны были обратить особое вниманіе на Финскій заливъ и на его восточную оконечность, всего ближе подошедшую къ кореннымъ русскимъ областямъ, издавна бывшую въ русской власти, доступную по множеству рѣчныхъ и озерныхъ путей, къ ней шедшихъ. Царь Алексѣй Михайловичъ уже рѣшился было «добывать» отъ шведовъ берега Финскаго залива, но ему помѣшала Малороссійская смута. Его сынъ царь Петръ добылъ эти завѣтные берега. Если будемъ помнить все только что сказанное, поймемъ, почему Петръ спѣшилъ закрѣпить за со-

бою Невскій берегъ какъ можно тверже. Нельзя было выпускать изъ рукъ такого важнаго мѣста, разъ его удалось занять, и Петръ дѣятельно его укрѣпляетъ различными твердынями. Сильная крѣпость въ устьяхъ Невы, крѣпость на о. Котлинѣ (Кронштотъ), крѣпость Орѣшекъ (Шлиссельбургъ) должны были охранять новое русское пріобрѣтеніе на старой Новгородской землѣ. А завоеваніе Нарвы и Выборга и окончательно закрѣпило за Русью ея новый городъ и портъ «Санктпитербурхъ».

За мѣрами чисто военными слѣдовали и мѣры къ тому, чтобы приспособить новый городъ къ потребностямъ страны. Петръ всячески привлекалъ въ Петербургъ иностранные корабли (давая даже преміи ихъ экипажамъ) для того, чтобы тотчасъ же сообщить новому городу характеръ коммерческаго порта. Въ Петербургѣ немедленно послѣ его основанія устроили гостиный дворъ и при немъ биржу. Отъ Петербурга внутрь страны устраивали дороги, не только сухопутныя (на Новгородъ), но и рѣчныя. Петръ прорылъ каналъ между Волховскимъ устьемъ и истокомъ Невы для обхода неспокойнаго Ладожскаго озера. Между рѣкою Мстою и р. Тверцою былъ устроенъ каналъ (близь Вышняго Волочка) для непрерывнаго воднаго сообщенія между Поволжьемъ и Ильменскими рѣками: рѣчной путь протянулся параллельно съ большою дорогою отъ Москвы на Новгородъ и Петербургъ. Производились изысканія для соединенія и р. Мологи съ р. Сясью; но этого дѣла при Петрѣ сдѣлать не успѣли. Налаживая пути къ новому порту, Петръ искусственно привлекалъ къ нему торговое движеніе. Онъ рядомъ распоряженій сокращалъ обороты Архангельскаго порта и даже думалъ о его за-

крытіи, а весь торговый обмѣнъ съ заграничными гаванями мечталъ сосредоточить въ С.-Петербургѣ. Торговая Москва, смотрѣвшая до тѣхъ поръ на сѣверъ, должна была какъ бы повернуться лицомъ на западъ. Петербургъ становился ея главнымъ агентомъ въ дѣлѣ торговыхъ сношеній съ Европою.

Такъ велико было значеніе Петербурга для Руси начала XVIII столѣтія. Но Петръ не довольствовался тѣмъ, что сдѣлалъ свой «Питеръ» крѣпостью и портомъ; онъ хотѣлъ сдѣлать его и столицею своего государства. Свои новыя учрежденія—сенатъ и коллегіи—онъ устроилъ въ Петербургѣ. Въ Петербургѣ онъ сооружалъ дворцы, поселилъ гвардію и самъ осѣлъ съ своимъ новымъ дворомъ на постоянное житье. Петербургъ оффиціально объявлялся столицею, и это, очевидно, не было капризною прихотью Петра, полюбившаго Неву и новый городокъ, свой «парадизъ». Послѣ смерти Петра Великаго, при Петрѣ II, попробовали было перевести дворъ, учрежденія и гвардію въ Москву, но вскорѣ же, при императрицѣ Аннѣ, вернулись снова на Неву, хотя Нева была и на краю государства. Что же заставило поступить такъ и отказаться отъ славной Москвы? «Одинъ отвѣтъ: необходимость!» говоритъ С. М. Соловьевъ.

Во-первыхъ, новая столица лежала при морѣ, которое въ ту пору было наилучшимъ путемъ сообщенія. Поэтому она была ближе ко всѣмъ европейскимъ центрамъ, чѣмъ старая Москва, отстоявшая отъ морей чуть не на тысячу верстъ. Изъ западной Европы въ Москву надо было ѣхать или черезъ Архангельскъ, или черезъ Балтійскія гавани, или черезъ Литовско-Польское государство. Первый путь былъ очень неудобенъ и да-

лекъ; послѣдній—ставилъ сообщеніе съ Москвою въ зависимость отъ польскаго правительства; тѣмъ бо̀льшее значеніе получалъ путь чрезъ новыя русскія гавани на Балтійскомъ морѣ. И вотъ переселеніе столицы въ Балтійскую гавань на многія сотни верстъ приближало русское правительство «къ Европѣ». Стоитъ посмотрѣть на политическую карту Европы XVII—XVIII вѣковъ, чтобы понять ясно справедливость сказаннаго. Находясь въ Петербургѣ, русская власть могла скоро и удобно сноситься съ любымъ мѣстомъ западной Европы, ни у кого не прося разрѣшенія на проѣздъ пословъ и гонцовъ (какъ раньше иногда просили у польскаго короля) и не подвергая ѣдущихъ неудобствамъ и случайностямъ долгаго пути по неустроеннымъ дорогамъ отъ моря до Москвы.

Во-вторыхъ, Ништадтскимъ миромъ 1721 года не окончилась борьба за Балтійское побережье и не былъ еще упраздненъ «Балтійскій вопросъ» о томъ, кому считаться хозяиномъ Балтійскихъ водъ. Швеція не легко мирилась съ своимъ пораженіемъ и съ торжествомъ Россіи; другія государства, примыкавшія къ Балтійскому морю, боялись одинаково и возвращенія шведской гегемоніи, только что свергнутой, и русскаго могущества, только что созданнаго. Всѣ заинтересованныя правительства зорко слѣдили за тѣмъ, что дѣлается на Балтикѣ, и, такъ сказать, придвигались къ морю. Русскому правительству нельзя было поэтому уходить отъ моря вглубь страны и относить свою столицу отъ берега, когда прочія столицы и власти были у берега. Стокгольмъ, Копенгагенъ, Киль, Берлинъ и Кенигсбергъ, Варшава и Данцигъ давали скорую возможность Швеціи, Даніи, Голштиніи, Пруссіи и Польшѣ знать, что происходитъ у ихъ Балтійскихъ сосѣдей. Россія

изъ Москвы не могла этого знать съ желаемою быстротою. Такимъ образомъ рядомъ съ общею причиною—желаніемъ приблизиться къ Европѣ—здѣсь дѣйствовала и частная причина: необходимость не упустить пріобрѣтеній, сдѣланныхъ на Балтійскомъ берегу при Петрѣ Великомъ. Вотъ почему русская столица осталась въ Петербургѣ и послѣ его основателя, служа отличнымъ проводникомъ европейскихъ вліяній на русскую жизнь.

Итакъ, съ основаніемъ Петербурга Русское государство пріобрѣло *сильную крѣпость*, обезпечивавшую Россіи выходъ въ Балтійское море, *удобный портъ*, къ которому стягивалось много торговыхъ путей съ русскаго сѣвера и изъ центра страны, и *новую столицу*, которая облегчала нашему государству сношенія съ европейскими государствами, въ составъ коихъ Русь тогда вошла окончательно. Послуживъ однимъ изъ средствъ завоеванія Балтійскаго берега, Петербургская крѣпость, ставъ портомъ, усвоила всей странѣ экономическіе результаты этого завоеванія и, ставъ столицею, послужила символомъ новаго культурно-политическаго порядка, развившагося въ теченіе такъ называемаго «Петербургскаго періода» русской исторіи.

С. Платоновъ.

HECKMAN
BINDERY INC.
JUN 90
N. MANCHESTER

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00005141385